

Содержание

Введение.....	5
---------------	---

Комментарий к Книге Екклесиаст

ГЛАВА 1.....	15
ГЛАВА 2.....	26
ГЛАВА 3.....	40
ГЛАВА 4.....	53
ГЛАВА 5.....	61
ГЛАВА 6.....	72
ГЛАВА 7.....	78
ГЛАВА 8.....	93
ГЛАВА 9.....	103
ГЛАВА 10.....	114
ГЛАВА 11.....	124
ГЛАВА 12.....	130

Комментарий к Книге Есфирь

ГЛАВА 1.....	143
ГЛАВА 2.....	155
ГЛАВА 3.....	165
ГЛАВА 4.....	174
ГЛАВА 5.....	180
ГЛАВА 6.....	185
ГЛАВА 7.....	190
ГЛАВА 8.....	196
ГЛАВА 9.....	202
ГЛАВА 10.....	210

Комментарий к Книге Песнь Песней Соломона

ГЛАВА 1.....	217
ГЛАВА 2.....	227
ГЛАВА 3.....	236
ГЛАВА 4.....	243
ГЛАВА 5.....	253
ГЛАВА 6.....	260
ГЛАВА 7.....	265
ГЛАВА 8.....	273

Комментарий к Книге Руфь

ГЛАВА 1.....	286
ГЛАВА 2.....	297
ГЛАВА 3.....	308
ГЛАВА 4.....	315

Комментарий к Книге Плач Иеремии

ГЛАВА 1.....	328
ГЛАВА 2.....	337
ГЛАВА 3.....	347
ГЛАВА 4.....	359
ГЛАВА 5.....	367

Введение

Ветхий Завет — эти два слова чаще всего рожают у современного человека ассоциации с «Кодексом Хаммурапи» или «Эпосом о Гильгамеше»: некий текст, пришедший из допотопных времен, когда солнце светило вдвое ярче, а культурные герои освобождали мир от чудовищ, чтобы облегчить жизнь благодарным потомкам. Конечно же, он оказал серьезное влияние на европейскую цивилизацию, а для христианина является еще и вероучительным источником, частью Священного Писания — увы, крайне мало востребованной на практике. С Новым Заветом верующий привык соотносить свою жизнь — а что делать с Паралипоменом или Свитком Есфири? И ветхозаветные книги остаются «делами давно минувших дней» и «преданиями старины глубокой». Но такой подход обедняет нашу внутреннюю жизнь и даже само понимание евангельского благовестия. Слово Христово прозвучало не в вакууме, оно было произнесено на конкретном языке в конкретной культуре — что и составляет предмет современной библеистики, изучающей текстологию и культурно-исторический контекст.

О предельной значимости ветхозаветных текстов для спасения свидетельствует апостол Павел, говоря своему ученику Тимофею: *Ты из детства знаешь*

священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен (2 Тим. 3: 15–17). Писанием апостол называет именно ветхозаветные тексты — в то время Павловы послания еще не были собраны в единый корпус, а Евангелий и вовсе не существовало.

В книге, которую вы держите в руках, представлена авторская экзегеза с обращением к святым отцам и раввинистической традиции — комментарии на ряд не самых востребованных в православном учительстве ветхозаветных текстов: корпус **Хамеш Мегилот** — «Пяти свитков». Это книги Екклесиаста, Есфири, Песни Песней, Руфи и Плача Иеремии. Из них, пожалуй, только Екклесиаст и Песнь Песней привлекли достаточное внимание христианских толкователей.

Для чего современному христианину детальное преломление смысла этих «глубоко факультативных» для веры и благочестия текстов? Ответ может оказаться значительно проще, чем видится в первом приближении: вполне вероятно, что во время земной жизни Спасителя они использовались в синагогальном богослужении — читались в главные праздники года. Иисус же со Своими учениками участвовал в синагогальных собраниях, как свидетельствуют об этом евангелисты (Мк. 1: 39; Лк. 4: 15–30, 33–37, 44), и праздновал религиозные праздники, приходя в Иерусалим на Песах, Хануку и Суккот (Ин. 2: 13–23; 7: 2–52; 10: 22–42).

Всякий верующий иудей по субботам поучался в Законе (**Тора**) и небольшом отрывке пророческого

текста (**гафтар** — «заключение»), а в дни праздников целиком прослушивал книги: на Песах — Песнь Песней, в Суккот — Екклесиаста, в Шавуот — Руфь, 9 Ава — Плач Иеремии и на веселый Пурим — Есфирь. Иисус говорит о Себе, что в Своем служении Он больше Соломона (Лк. 11: 31), автора Екклесиаста и Песни Песней; что Он — Господин Давида, происходящего от Руфи (Мк. 12: 37), ревнует о Доме Божиим вместе с Иеремией пророком (Мф. 21: 13); и, по Павлову слову, Он — Избавитель, чаемый как последняя надежда Мардохея, приговоренного злодеем Аманом к повешению на древе (Гал. 3: 13).

Почему при прочтении ветхозаветных книг для нас важно и необходимо обращение к иудейской экзегезе? Не говорит ли апостол Павел, что доныне Израиль лишен полноты понимания собственных Писаний из-за непринятия истинного Мессии — Иисуса из Назарета Галилейского: *Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается* (2 Кор. 3: 15–16), — то есть в иудаизме после апофеоза Креста бессмысленно искать зерна религиозной истины? Но, если к святым отцам, толкующим Писание, мы обращаемся за духовным пониманием текста, то раввинистический комментарий погружает нас в атмосферу, в культурный и языковой контекст — иудейская экзегеза внимательна к игре слов, к многозначности, раскрывающей дополнительные смыслы. А кроме того, свидетельствует апостол Павел, история отношений Церкви и синагоги не так уж однозначна и в эсхатологической перспективе у благого Бога есть Свой план о возвращении этой маслины к животворящему корню

(см. Рим. 11: 17–29). Мы же, как соработники у Бога (1 Кор. 3: 7), должны со своей стороны прикладывать усилия, чтобы и это дело Господне приближалось к свершению, и трудиться над наведением мостов — постигать традиции, столь своеобразно развившиеся за период долгого отчуждения. Как двое братьев после долгих лет разлуки показывают друг другу семейные фотографии, сопровождая каждую подробными объяснениями...

Итак, пусть это обращение к двум ярчайшим интеллектуальным и духовным традициям послужит всякому читающему к обновлению перспективы восприятия Слова Божия и через это — своих отношений с Богом-Троицей Единосущной и Нераздельной!

תּוֹלָדוֹת

КОММЕНТАРИЙ
К КНИГЕ
ЭККЛЕСИАСТ

Итак, перед нами одна из самых сложных и противоречивых книг всего библейского корпуса — Екклесиаст, Книга Проповедника. Мы привыкли к высокому стилю библейских текстов, к тому, что с их страниц звучат безусловная надежда и ободрение. Поэтому для человека, впервые сталкивающегося с писанием древнего мудреца — Проповедника, или Когелета, как именуется это служение на иврите, — его слова могут показаться абсолютно диссонирующими со всем библейским повествованием. Нигилизм, буйным цветом до Деррида и Бодрийера цветущий постмодерн — так при первом прочтении можно охарактеризовать Книгу Екклесиаст.

Сразу замечу, что данное издание не претендует на полномасштабное комментирование текста, в мою задачу не входило плотно, стих за стихом разобрать сложнейшее полотно. Цель этого издания — показать место каждого конкретного текста в макротексте — Библии, дать ключи к самым неоднозначным фрагментам, показать, как текст живет в классических комментариях экзегетов христианской и иудейской традиции. Словом, создать общую, скорее, лишь в проекте существующую систему координат, в которой читатель сумеет увидеть Солнце

Правды, не заплутав во время прогулок по литературным лесам.

Приступая к чтению, необходимо определиться с базовыми константами — временем и местом написания, личностью автора и базовой структурой текста, увидеть его внутреннюю логику. По каждому из этих пунктов исследователи Екклесиаста предлагают множество ответов, ни один из которых не может претендовать на абсолютную достоверность. Не погружаясь в споры библеистов, отметим, что до XVI века как в иудейской, так и в христианской среде автором книги считался Соломон — на основании первого стиха: *Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме* (Еккл. 1: 1). Однако современные библеисты, выявив в книге значительное количество слов из арамейского языка, нехарактерных для библейского иврита, пришли к выводу о более позднем, по всей видимости, слепо перенятом происхождении текста и отнесли его к VI веку до Рождества Христова.

Неудивительно, что датировка вызывает дискуссии, ведь ни один текст не существует в вакууме; обратившись к близким нам славянским памятникам, мы увидим, что даже такой священный текст, как Евангелие, никогда не стагнировал в языковом смысле — вслед за изменениями в разговорной и письменной речи славян происходили соответствующие изменения в переводе Писания. Таким образом, словарь Елизаветинского Евангелия (1751) сильно отличается от словаря Остромирова Евангелия (1056–1057). Речь не идет об изменении смысла, мы говорим лишь о форме (например, в рукописях мы наблюдаем дрейф от слова *живот* к слову *жизнь*).

То же самое, по всей видимости, происходило с еврейскими памятниками, когда традиция софоров — писцов, буква в букву переносящих священные тексты, — еще не сформировалась (нормализация текстов вновь началась примерно со второй половины II века по Р.Х.). Поэтому наличие арамеизмов в книге Екклесиаст вполне может быть объяснено последующей редакторской правкой. На то, что правка была, указывают и еврейские источники. Талмуд, перечисляя авторов библейских книг, говорит, что при Иезекии и его приближенных были написаны и Притчи, и Екклесиаст, и Песнь Песней (Вавилонский Талмуд, Бава батра, 1). То есть с точки зрения еврейских мудрецов, между моментом составления этих текстов Соломоном (на чем настаивает еврейская религиозная традиция) и их известной нам формой, зафиксированной писцами Иезекии, прошло более 250 лет.

Верхней границей написания текста можно считать вторую половину II века до Рождества Христова: к этому времени относится фрагмент книги, найденный среди рукописей Кумрана. Авторство и время написания остаются для нас загадкой, так как и первый стих, упоминающий сына Давидова, царя Иерусалима, и последние стихи, говорящие, что Екклесиаст был мудр и собрал множество притч, по всей видимости, являясь редакторскими вставками в текст, выполняя функцию введения и заключения.

Итак, перед нами текст мудреца, объявляющего себя или действительно бывшего властителем Израильского царства, и датируется этот текст в очень широких границах — от первой половины X века до II века до Рождества Христова. Вслед за

традиционной экзегезой мы считаем автором этих наставлений мудрейшего из царей — Соломона, сына Давидова, испросившего у Бога важнейший из даров — мудрость.

Сказать что-либо определенное о структуре книги, увы, также не удастся: в этом вопросе отсутствует единомыслие, представлено множество точек зрения, от деления текста на двенадцать смысловых отрывков до полного отказа видеть в книге хоть какую-то осмысленную структуру. Безусловно определяются лишь введение, ограниченное 1–11-м стихами первой главы, и двойной эпилог переписчиков (12: 9–14).

ГЛАВА 1

*Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме. Суе-
та сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета! Что
пользы человеку от всех трудов его, которыми трудит-
ся он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а зем-
ля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце,
и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер
к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу
своём, и возвращается ветер на круги свои. Все реки те-
кут в море, но море не переполняется: к тому месту, от-
куда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.
Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего;
не насытится око зрением, не наполнится ухо слушани-
ем. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет де-
латься, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто,
о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но [это] было
уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем;
да и о том, что будет, не останется памяти у тех, ко-
торые будут после (Еккл. 1: 1–11).*

Относительно авторства мы уже условились, что
соглашаемся с позицией Святых Отцов. Святитель
Григорий Неокесарийский: «Так говорит Соломон,
сын Давида царя и пророка, славнейший пред все-
ми людьми царь и мудрейший пророк всей Церкви

Божией» (Переложение Екклесиаста, I). Соломон говорит всему собранию верующих, от Израиля Ветхого Завета до Церкви как Нового Израиля Нового Завета. Эту веру разделяют все отцы Церкви и учителя Израиля. Потому автор и назван Екклесиастом — от греческого *екклесия*, то есть собрание; слово *Екклесиаст* параллельно еврейскому **когелет**, «говорящий собранию, проповедник», — причастию от глагола **кахаль**, «собирать, созывать»; **когелет** — слово уникальное для Библии и упоминается только в данной книге. Приведем, кстати, оригинальное мнение одного из иудейских толкователей: рабби Бин-Нун видит в Книге Екклесиаст полилог — несколько голосов, озвучивающих разные подходы к жизни и потому часто вступающих в противоречие. Поэтому, с его точки зрения, автор назван Когелетом, то есть «собирающим» — но собирающим не собрание внешних людей, а своего внутреннего человека воедино. С этим мнением солидарен и святитель Григорий Великий, в своих «Диалогах» замечаящий о Екклесиасте: «Так, выражая прежде удовольствие плотских людей, преданных заботам, возвещает [он], что хорошо есть и пить. То же самое потом, по суду разума, отвергает, когда говорит, что лучше идти в дом плача, нежели в дом пира» (Диалоги, 4.4).

Среди единогласного хора христианских толкователей, уверенных в Соломоновом авторстве, выделяется мнение главы Александрийской огласительной школы Дидима Слепца, говорящего, что, во-первых и главных, для Священного Писания важно, что его автор — Дух, которому содействует кто-то из просвещенных людей. То есть неважно, чтобы это был именно Соломон: «Или Соломон

написал их, или кто-то написал из мудрых. И более предпочтительно для нас последнее, дабы не казалось кому-либо, что тот, кто их высказал, говорит о себе» (Комментарии на Екклесиаста, 7.9). То есть Соломонов авторитет может оказаться для читателя избыточным, а личность автора — задавить авторитетом смысл текста.

«Суета сует, все суета», **«гевель гевалим»** — пожалуй, это одно из самых известных и расхожих библейских выражений. **Гевель** — «тщета», буквально «пар», «туман», нечто несущественное, практически не существующее, пустое. Интересно, что это слово — однокоренное с именем сына Адама — Авеля. В первых родах Ева ожидала обрести того самого Потомка, который исправит аффекты грехопадения и сотрет главу змея, потому и назвала первого сына Каином — от **кина** «приобретение». Когда же она zaczynaет и рождает вновь, то понимает, что отныне это просто часть ее жизни, а не избавление, и называет второго сына «тщета, пустая надежда».

Мудрецы Израиля считают, что в многократно повторенном указании на тщетность и бессмысленность Соломон указывает на обесцененность в его глазах абсолютно всего, что бытийствует в мире, всего, что появилось в рамках семи дней творения. Такую позицию не разделяют христианские отцы. Свт. Иоанн Златоуст говорит, что «не дела Божии назвал он суетными — нет, не небо суетно... не тело наше. Все это — хорошо весьма (Быт. 1: 31). Что же суетно? Послушаем что говорит сам Екклесиаст: посадил себе виноградники... завел у себя певцов и певиц, и вот, все — суета и томление духа» (Еккл. 2: 4–8, 11)» (Творения. Т. 11. Кн. 1. С. 107). То есть негативизм

Соломона направлен не против творения, но говорит о тщетности и мимолетности человеческих трудов, на что указывает и конкретизация внутри самого фрагмента, где после «все суета» идет речь о пользе того, что делает человек в мире, — о пользе его дел «под солнцем». Комментаторы уточняют, что не всякое дело бесполезно, вклад человека в то, над чем не властно время, обозначаемое движением солнца, имеет смысл и цену — «в трудах исследования духа человека есть выгода, ибо дух не подвластен времени», говорит Ибн Эзра (Свиток Когелет, 35). Согласен с ним и Дидим Слепец, утверждая, что «трудящийся... над тем, что возводит к вечному, к незримому, много чего приобретает: из человека становится богом, и из презренного — могущественным, и из боязливового — мужественным» (Комментарии на Екклесиаста, 11.18). Сложно сказать насколько подобное видение толкователей соотносится с мнением автора, который в следующих главах сомневается в мудрости как таковой.

Царь Израиля соотносит труды человека с вечным бегом творения. Все идет в рамках своего цикла, все взвешено, ровно и закономерно — движение светил, течение вод и сам бег времени. И бытие человечества может быть оценено в тех же макромасштабах — как смена родов, в сравнении с которой жизнь одного человека, даже самого блистательного, не более чем капля в вечно текущих водах.

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Важно: указание на цикличность в мире природы никоим образом не переносится автором на мир людей как идея цикличности бытия социума, а уж тем

более — отдельного человека. Пусть человеческое бытие быстротечно, но единственно, неповторимо; об этом скажет подробно последняя, двенадцатая глава книги. Из комментаторов на этом настаивает блаженный Августин, утверждая, что нет ничего общего между воззрениями Екклесиаста и греческой философией, например Платоном, указывающим на цикличность в бытии мира: «Чуждо... это нашей вере. Ибо Христос однажды умер за грехи наши; восстав же, уже не умирает...» (О граде Божьем, 12.13). Идея линейной истории — один из основных культурных даров Библии европейской цивилизации.

Здесь же мы видим указание на то, что социум состоит из одних и тех же феноменов, являет себя одними и теми же ликами — любовью и ненавистью, смирением и спесью и т. д. Это константы, присутствующие в мире людей, несмотря на изменения внешних условий жизни. Факт течения истории Библия не просто не отрицает, а утверждает, одна только Книга Бытия говорит: вот первые одежды, которых не было доселе, вот первый пастух, первый земледелец, первые жертвоприношения, кузнец, музыкант, город, множественные языки народов... Мысль Екклесиаста скорее созвучна словам Христа: *...как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого...* (Мф. 24: 37–38) — то есть жизнь наполнена тем же, чем и все дни человечества, и нет принципиальной разницы, вскипает ли зависть к обладателю палки-копалки или тринадцатого айфона, рождается ли новая

жизнь в темной пещере или в светлом родильном зале — это лишь смена декораций, много привносящая, но не влияющая на роли и их исполнителей.

Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме...
(Еккл. 1: 12).

Это первый стих основной части текста. Важно отметить, что упоминание авторского «я» достаточно структурировано в рамках книги. В ее начале авторскому эгоцентризму уделено немало места — «я» встречается более чем регулярно. Всего в 12 главах — 29 раз, не считая глаголов в первом лице, требующих при переводе на русский дополнительного использования «я». В первых главах нигилист Соломон без ложной скромности перечисляет все свои эксперименты и опыты над реальностью: я видел все, я устроил, я насадил, я завел себе, я решил испытать... К середине повествования эго начинает уходить на второй план, появляются обращения ко второму лицу: «не торопись устами», «не говори», а в конце авторской части книги — и третье лицо: *Суета сует, сказал Екклесиаст, всё — суета!* (Еккл. 12: 8). С уменьшением эго-выражений все чаще мы видим стихи, упоминаящие Творца, практически отсутствующие в первой части и регулярно звучащие в последних главах.

Соотнесенность автора с сыном Давида и царем Израиля наводила христианских комментаторов на параллель между Соломоном и Христом, называемым в таком случае «истинным Проповедником», которого прообразует ветхозаветный Екклесиаст — Соломон. О взаимоотношениях текста Екклесиаста не только

с другими текстами Ветхого Завета, но и с учением Христа подробнее скажем в следующих главах.

...И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем (Еккл. 1: 13).

Повествование начинается с утверждения взаимосвязи Соломона с мудростью — *предал я сердце мое*. В том или ином виде и Притчи, и поздняя Премудрость Соломона упомянут о случае, произошедшем с молодым царем в Гаваоне, где ему явился Господь и спросил, что юноша желает получить. Соломон просил мудрости (см. 3 Цар. 3: 5) и знания (см. 2 Пар. 1: 10), которые и получил с избытком.

Этот стих оставляет возможность разночтений. Часто он понимается так: «И обратил я сердце мое, чтобы мудростью изучить и исследовать все, что делается под небесами; дурное дело возложил Бог на сынов человеческих, чтобы томились им». Соломон обратил свой мудрый взор и понял, что все, что делает человек под небесами, дурное и отягощающее его дело. Тем самым автор согласуется с Книгой Бытия — Бог, говоря о результатах человеческого грехопадения, обращается к Адаму: *...проклята земля за тебя; в муках будешь питаться от нее все дни жизни твоей... ..в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю...* (Быт. 3: 17, 19).

Но другие варианты текста дают совершенно иной смысл, здесь «тяжелым занятием», в котором должны упражняться люди, названа не работа вообще, а именно испытание мудростью всего, что

делается в мире. Тогда вспоминается совсем другой фрагмент Бытия, не связанный с грехопадением, а, наоборот, указывающий на изначальный замысел Бога о человеке: *Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...* (Быт. 2: 19–20), то есть интеллектуальная работа — это труд, сложный, но благословленный Богом, желающим через него взрастить и образовать человека должным образом в ту меру, которую Он задумал. Такое понимание не совершенно чуждо и израильским толкователям, но встречается лишь как один из вариантов стиха у Ибн Эзры (Свиток Когелет, 50).

Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа! (Еккл. 1: 14).

Таргум на Книгу Екклесиаст — текст, являющийся расширенным пересказом классического памятника с иврита на арамейский, — уточняет: «все людские дела». Тогда как отец христианского богословия Ориген замечает, что суете подвержены не только дела человеческие, и вспоминает слова апостола Павла: *...тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее...* (Рим. 8: 20), по воле Бога соподчинившего творение его венцу — человеку и из-за падения человека и тварь увлекшего в тление (см. Быт. 3: 14–19). Потому призрачность, эфемерность результата и близость распада сопутствует не только делам человеческим, но и природе, будь то живой или не живой.

Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать (Еккл. 1: 15).

Выражение, которое можно наполнить произвольными смыслами, наподобие классического «нельзя объять необъятное» Козьмы Пруткова.

Так, например, иудейские комментаторы выводят отсюда совершенно нехарактерную для автора мысль о том, что искривленное при жизни невозможно выправить после смерти: «В этом мире искривленное еще можно выправить, а недостающее восполнить, но в грядущем искривленное нельзя будет выправить, а то, чего недостает, уже не восполнить» (Когелет раба, 1.38). Данный комментарий представляется совершенно избыточным ввиду полного молчания Екклесиаста о связи жизни на земле с каким-либо воздаянием в посмертии, да и в целом — неоднозначности для него самой идеи посмертного бытия. В 3-й главе он говорит: *Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?* (Еккл. 3: 21), а в 12-й: *И тогда тело вернется в землю, откуда оно и было взято, а дух вернется к Богу, Который дал его* (Еккл. 12: 7).

Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это — томление духа; потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь (Еккл. 1: 16–18).

Важный прием — разговор автора с самим собою, в данном случае со своим сердцем. Есть исследования, в которых изучается взаимосвязь Книги Екклесиаста с другими образцами ближневосточной литературы мудрых, а именно с египетскими и месопотамскими источниками. Диалог со своим сердцем или душой — характерная черта, объединяющая Екклесиаст с древней египетской литературой, где диалог с душой — со своим Ба — встречается в «Разговоре разочарованного со своим Ба», в «Размышлениях Хахаперрасенеба со своим сердцем», где автор говорит: «Обратился он к сердцу своему: приди же ко мне [сердце мое], дабы поговорил я с тобою», или в другой строке: «Я обращаюсь к тебе, сердце мое! Ответь мне. Не безмолствует сердце, когда к нему обращаются».

От рассуждения с самим собою Соломон переходит к практическому выводу — одной теории мало, нужно познать, то есть получить опыт жизни в мудрости и следования путем глупости, чтобы из эмпирики иметь возможность суждения о том и другом. Описанию этого опыта будут посвящены следующие главы книги.

Заканчивается глава самым любимым выражением всех гносеомахов — борцов со знанием и ученостью. Как преподаватель в ряде учебных заведений, я часто слышу эту цитату от своих студентов, и очников, и заочников, оправдывающих свое незнание предмета: *во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь*. С точки зрения еврейских комментаторов, в этом стихе Соломон лишь констатирует существующий порядок вещей, но вовсе не утверждает, что для человека

бессмысленно или тем более вредно умножать мудрость. Мудрец, умножая познание, не может не скорбеть, видя падение и несовершенство мира. Но его труды вносят в этот мир толику совершенства и праведности, поэтому они нужны и благословенны Богом. Приобретение мудрости можно сравнить с вредным производством, плоды которого нужны многим, но процесс причиняет урон добывающему.